

МАУКС ФРАЙ

Оформление Наталии Рецца

И В Ж С

Ф Р Д И

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
N11

Книга публикуется в авторской редакции

Оформление Наталии Рецца

N11 Нада / сост.: Макс Фрай. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-114670-2

В переводе с испанского «Nada» означает «ничто», «ничего»: в переводе с персонального внутреннего языка составителя этого сборника «Нада» — часть заклинания «мненада», такого могущественного, что лучше не связываться с тем, кто его произнес. Если уж ему нада, пусть будет так.

Где-то между двумя вариантами и следует искать смысл этой книги, собранных в ней рассказов и жизни на планете Земля, которая, хотим мы того или нет, краткое (но вечное) торжество созидательной воли «мненада» над сокрушительным «Nada», гулким набатом небытия.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114670-2

© Макс Фрай, текст
© Наталия Рецца, дизайн обложки, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2019

МАКС ФРАЙ

СОРОК ТРЕТИЙ

Впервые это случилось, когда ему было тринадцать — здоровый, в сущности, лоб. Сказками уже давным-давно не зачитывался; собственно, вообще ничем не зачитывался с тех пор, как в трех кварталах от дома открылся видеосалон, куда всеми правдами и неправдами стремился попасть хотя бы пару раз в неделю. Взахлеб смотрел ужастики и боевики.

А город, который он увидел, был совершенно сказочный, как с картинки, даже скорей из мультфильма — знал бы про аниме, сразу подумал бы: анимешный, но этого термина тогда еще не употребляли. Светлые стены невысоких, как бы нарочито хрупких домов, разноцветные оконные стекла, хрустальные крыши, бесчисленные мосты, протянутые не только над узкой быстрой рекой, но и просто над улицами, между домами, на уровне второго — третьего этажей, лестницы всех мыслимых форм и конструкций, соединявшие тротуары с мостами и крышами, иногда — с тенью соседнего дома, с проплывающим облаком или просто ни с чем.

...Он тогда болел; ничего серьезного, обычная простуда, но часто просыпался от кашля, жадно пил воду из специально оставленной на стуле возле дивана чашки и снова засыпал. Под утро вода в чашке закончилась. Вставать было лень, но пить хотелось так сильно, что пришлось. Босиком пошлепал на кухню, напился, вернулся обратно в комнату и совершенно случайно взглянул в окно. Сон слетел с него сразу, да и с кого бы он не слетел, когда за окном вместо заслоняющей половины неба блочной девятиэтажки какой-то фантастический, невозможный город с мостами, хрустальными крышами и винтовыми лестницами, ведущими в никуда.

В этом городе тоже была ночь, но гораздо более светлая, чем он привык, небо не чернильное, а почти бирюзовое, всюду на улицах круглые белые и зеленые фонари, окна в домах тоже светятся, и это оказалось одним из самых удивительных впечатлений — светящиеся изнутри разноцветные оконные стекла, как будто глядишь на зажженную лампу через калейдоскоп.

Стоял у окна и смотрел на этот удивительный город, которого быть не могло. Думал: «Наверное, на самом деле я не проснулся», — и это само по себе свидетельствовало, что все-таки проснулся. Никогда раньше не говорил себе во сне: «Я сплю». Но хотелось более веских доказательств. Поэтому несколько раз ущипнул себя, очень больно, но все-таки для полной уверенности недостаточно. Тогда взял с письменного стола ножницы и с силой провел лезвием по руке. Ножницы были тупые, но удалось расцарапать кожу до крови. И тогда наконец успокоился, выдохнул: все-таки не сон.

Потом уже не колебался. Быстро оделся и вышел из дома, захватив в прихожей куртку и сунув ноги в ботинки, отцовские вместо своих; ошибку осознал уже в подъезде, но возвращаться не стал, только потуже затянул шнурки. Дом был пятиэтажный, без лифта, поэтому спускаться пришлось пешком. Шел очень медленно, отчасти из-за болтающихся на ногах ботинок, отчасти потому, что ему было страшно: вот выйду из дома, вокруг этот удивительный город — и что тогда? Нет, правда, что? Я там никого не знаю, и меня тоже — никто. Может быть, там живут людоеды? Или вампиры? И эта красота за окном — ловушка, чтобы выманить всех, кто не спит? И еще неизвестно, какой у них там воздух. Им вообще можно дышать? Или как на других планетах в фантастических фильмах состав атмосферы — ацетон, аммиак?

Но страх не мешал идти вниз по ступеням, не останавливаясь, шаг за шагом, не сомневаясь, что он все делает правильно, так обязательно надо, других вариантов просто нет. Страх был отдельно, а весь остальной он — отдельно. И оказалось, что весь остальной он гораздо больше, чем страх. И сильнее. Это было удивительное открытие; потом оно еще пригодилось не раз.

Когда открывал дверь подъезда, сердце так колотилось, что, думал, выскочит или, наоборот, остановится от нагрузки, как перегревшийся мотор. Но все равно оттянул язычок защелки, навалился на дверь плечом, вышел, в первый момент вообще ничего не понял, кроме того, что этим холодным морозным воздухом вполне можно дышать, а потом увидел, что стоит в своем дворе, напротив — панельная девятиэтажка, слева —

мусорные баки, справа — выезд на улицу, за спиной — черная железная дверь подъезда, как обычно, как и должно быть, все как всегда.

Некоторое время стоял неподвижно, затаив дыхание, сам не знал, чего ждет — то ли, что сказочный город передумает и вернется, то ли, что привычный пейзаж тоже исчезнет, девятиэтажка, мусорка, синяя дяди Володина «девятка», неизвестно чей горчично-желтый «москвич», и он сам тоже исчезнет, в первую очередь — он сам.

В любом случае, так ничего и не дождался. И, тем более, не исчез. Наконец развернулся, нажал на кодовом замке кнопки «3», «8» — и пошел обратно, домой.

Поднявшись на четвертый этаж, спохватился: «Как же я войду?» — но в кармане куртки неожиданно нашлись ключи, дверь удалось открыть, а потом запереть бесшумно, поэтому о его ночной отлучке родители так и не узнали. А рассказывать, конечно, не стал. Вообще старался вспоминать об этом пореже, а когда все-таки вспоминал, говорил себе: я болел, у меня могла резко подняться температура. Бред — вполне обычное дело, когда у человека жар.

Сам знал, что это никуда не годное объяснение. Но оно все равно его успокаивало. Такой вот парадокс.

* * *

Второй раз это случилось через два с лишним года. Они с родителями только что переехали в дедовскую квартиру на втором этаже большого сталинского дома,

почти в самом центре города, непривычно просторную, и как почему-то казалось, полную тайн, хотя откуда бы взяться тайнам у деда, всю жизнь прослужившего министерским чиновником? Не такой он был человек. Однако атмосфера в квартире все равно была немного таинственная, ну или просто непривычная. Скорее всего, так.

В ту ночь он засиделся, готовясь к экзамену; на самом деле грядущий экзамен просто оказался отличным предлогом не поехать на дачу с родителями, впервые в жизни остаться одному дома почти на трое суток, а не на какие-то несчастные полдня. Поэтому жалко было вот так сразу ложиться и засыпать. Гораздо интересней сидеть за старым письменным столом в бывшем дедовском кабинете, с открытым где-то на середине учебником, исчерканной тетрадкой с задачами и полной чашкой растворимого кофе, который ему не особенно нравился, но казался символом настоящей взрослой жизни, всего самого лучшего, что в ней есть — одиночества и свободы не спать хоть до самого утра.

Несмотря на кофе, в начале третьего начал клевать носом. Какое-то время пытался бороться со сном, но потом махнул рукой, сполз со стула, принялся стягивать брюки, замутненный усталостью взгляд случайно упал на окно, и он застыл, как стоял — полусогнутый, одной ногой застрявший в штанине — потому что там, за окном, было бирюзовое небо, круглые зеленые фонари, светлые стены, хрустальные крыши, разноцветные оконные стекла, лестницы и мосты. Не закричал: «Да! Да! Да!» — только по привычке вести себя по ночам

тихо, чтобы не разбудить родителей, забыл, что в квартире больше никого нет. Но очень хотел торжественно закричать, потому что город за окном казался ему главной личной победой всей жизни; в каком-то смысле он и был победой — над собственным здравым смыслом. Сколько раз говорил себе, что никакого волшебного города не было, а он все-таки есть.

Наконец натянул штаны, развернулся бежать на улицу, но остановился на пороге комнаты, вспомнив, чем это закончилось в прошлый раз. Решил: если я вижу город в окно, значит, и выходить к нему надо из окна, а не в обход, через подъезд. Здесь всего-то второй этаж, не о чем говорить.

Ни минуты не колебался. Распахнул окно, повис на руках, уцепившись за подоконник, прыгнул. Когда разжимал пальцы, был твердо уверен, что на этот раз все получится, но когда ступни коснулись земли, еще до удара, неприятной, звонкой, вибрирующей волной отозвавшегося во всем теле, уже знал, что не получилось ничего. Нет никакого города с хрустальными крышами и разноцветными окнами. Просто нет, не может его быть, таких не бывает. Подумал: я так устал, что уснул на ходу, раздеваясь. И увидел сон. И прыгнул за ним в окно — хорошо, что со второго этажа, а не с какого-нибудь девятого. Интересно, как я теперь обратно залезу? Ключи-то остались в замке, изнутри.

Тем не менее, как-то вскарабкался обратно в квартиру, соседи с первого этажа спали крепко, не слышали, как он скакал на их подоконнике, и на улице было пусто,

в общем, никто его не застукал, обошлось без скандала. Вот и хорошо.

Очень устал, но до утра ворочался на внезапно ставшем неудобным диване. Кое-как задремал, но подскочил, проспав всего пару часов. Даже не позавтракав, поехал на вокзал, а оттуда электричкой на дачу. От станции до поселка пешком почти пять километров, оно и к лучшему: почти успокоился, пока дошел.

Родители не столько обрадовались, сколько встревожились. Когда сын-подросток добровольно приезжает на дачу, от которой прежде отбрыкивался, как мог, впору задуматься, все ли у него хорошо. Сказал им: «Зубрить надоело, вот и приехал». А что еще было говорить.

* * *

В третий раз он увидел город с хрустальными крышами не за окном, а в щели забора, ограждавшего какую-то стройку; дело было под утро после выпускного, он провожал домой Аллу, самую красивую девочку в классе, которая прежде не обращала на него внимания, но на выпускном вдруг согласилась с ним танцевать, и второй раз согласилась, и третий, и на попытку поцеловать совершенно не рассердилась, только сказала: «Ты что, не здесь же!» — и предложению уйти вместе пораньше так явно обрадовалась, что он почти испугался: ну и что теперь делать? Слишком легко все испортить, когда внезапно стало так хорошо.

...Теоретически, он провожал Аллу домой, но на самом деле, они нарезали какие-то нелепые, хаотические петли по городу, пили розовое шипучее вино, бутылку которого он заранее припрятал — не в кустах за школой, как делали почти все, а в детском саду через дорогу, в разноцветном фанерном паровозике; Алла хохотала до слез, увидев его тайник, но находчивость оценила. Ну и вообще все шло отлично, пока они не вышли к стройке, окруженной забором, здесь не было ни людей, ни фонарей, даже луна тактично скрылась за тучами, он восхищенно и почти обреченно думал: «Сейчас, сейчас!»

Алла стояла, прислонившись спиной к забору, к нему лицом, смотрела испуганно и вызывающе — ну? Обнял ее, неловко и неумело, собственные руки казались слишком большими, тяжелыми и неудобными, но потом это стало неважно, вообще все стало неважно, и Алла изменившимся, взрослым, как у женщин в кино хриплым, воркующим голосом бормотала: «Только осторожно, платье! Главное — его не порвать!»

Из-за платья, собственно, все и случилось: кружево зацепилось за какую-то дурацкую проволоку, пришлось остановиться, перевести дух, унять дрожь в руках и очень аккуратно, медленно, подсвечивая себе зажигалкой, его отцеплять. Тогда и заметил, что из щели между щитами сочится какой-то необычный зеленоватый свет. Заглянул, и его возбуждение, робость, восторг мгновенно сменились возбуждением, робостью и восторгом совсем другого рода: там, за хлипким строительным забором, высились светлые стены, сверкали хрустальные крыши и разноцветные окна, изгибались мосты, лестницы устремлялись в темно-бирюзовое нездешнее

небо, сияли круглые белые и зеленые фонари. Он был готов заплакать от счастья; Алла спросила, уже вполне обычным голосом: «Ты чего?» Поманил ее: «Смотри сюда, видишь? Ты видишь?» — и тогда она завизжала так громко, что уж лучше бы ответила: «Ничего».

Так и не узнал, что она там увидела. Потому что, если просто строительную площадку, непонятно, чего так орать. А если все-таки город с хрустальными крышами, тем более непонятно. Он же совсем не страшный. Очень красивый. Когда его видишь, вообще ни о чем думать невозможно, кроме того, как бы туда попасть.

А тогда все было, как в каком-то дурном фильме ужасов, снятом без сценария, наобум. Алла просила: «Мне страшно, пошли отсюда», — он зачем-то ее уговаривал: «Давай перелезем, я тебя подсажу».

Дело кончилось тем, что Алла обозвала его придурком и разными другими словами, не столько даже обидными, сколько неожиданно грубыми, — почему так? За что? — и убежала в ночь, размазывая по лицу черные от туши слезы. А он, конечно, не стал ее догонять, какое там догонять, какая вообще может быть Алла, когда удивительный город с хрустальными крышами — вот он. Всего-то и надо — перелезть через дурацкий забор.

Потом, обнаружив себя среди мешков цемента, досок, бетонных блоков, огромных металлических бочек и прочей бессмысленной строительной ерунды, невольно позавидовал Алле. И вообще всем девчонкам в мире — их легким слезам. Потому что иногда бывает так плохо, что очень надо заплакать, а ты то ли уже разучился, то ли вообще никогда не умел.